

Е.Ясин

Сегодня российской экономики в контексте прошлого и будущего

1. Достижения

Состояние российской экономики вновь вызывает вопросы. С одной стороны, все объективные показатели говорят о её устойчивом и довольно быстром развитии. Об этом свидетельствуют данные таблиц 1, 2, 3.

Таблица 1. Рост ВВП в России в 1997-2004 гг.

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Рост реального ВВП, %, к предыдущему году	1,4	-5,3	6,4	10,0	5,1	4,7	7,3	7,1
Номинальный ВВП – млрд. долл. по рыночному курсу	404,9	271,2	195,9	259,7	306,6	345,0	430,2	582,4
ВВП–млрд. долл. по ППС (паритету покупательной способности)	996,1*		891,0	999,6	1066,7	1140,3	1355,3	
ВВП (ППС) на душу населения долл./год	6742		6090	6867	7369	7924	9340	
Отношение рыночного курса руб./долл. к ППС (%)			22	26	29	30	32**	

Примечания: *1996 год по оценке ППС 1993 года, произведенный Всемирным банком. Остальные оценки ВВП по ППС выполнены Росстатом (Российский статистический ежегодник, 2004, с.690). Более ранние расчеты делались на основе оценок ППС Всемирного банка в 1993 и 1996 гг. и их сопоставимость с более поздними данными сомнительна. По этим оценкам ВВП РФ по ППС в 1993 г. составлял 735 млрд. долл., а в 1996 – 996,1 млрд. долл. (РЖЕ, 2003, с. 655, с.667). Оценки Всемирного банка душевого валового национального дохода России в 1993 г. – 4,2 тыс. долл., в 1996 – 6,99 (World Development Indicators). Очевидно, что более ранним исчислениям доверять не следует. Во всяком случае, можно предположить, что в СССР накануне распада душевой ВВП составлял 7,5 – 8,5 тыс. долл. в оценке 1999 года, в РСФСР – несколько выше, а сейчас он равен 8,5 – 9,5 тыс., т.е. выше на 15-20 %. Отношение объема реального ВВП 2004 г. к 1998 г. по оценке МЭРТ примерно 88-90%. Полагаю, это заниженные цифры: несравнимы структуры экономики, причём фиксированные цены при товарном дефиците и несоответствии плановой продукции спросу, скорее завышают оценки объемов производства в советский период.

**оценка автора.

Таблица 1 специально посвящена динамике ВВП в разных исчислениях. Стоит обратить особое внимание на показатели ВВП по паритету покупательной способности, наиболее сложные с точки зрения техники измерений, а поэтому наиболее точные, но в то же время, на мой взгляд, наиболее достоверно отражающие действительный объем экономики. Мы видим, что ВВП России по ППС в 2003 году в 3,5 раза превышал

номинальный ВВП в долларах по рыночному курсу, который не только зависит от колебаний курса, но и содержит постоянное занижение курса национальной валюты, связанное с доверием к ней и тем большее, чем ниже уровень развития страны. Расчёты же ВВП в национальной валюте, если в стране высокая инфляция (не менее двузначной) искажают динамику вследствие быстрого накопления ошибок измерения. Поэтому для характеристики динамики реального объёма ВВП обычно применяются только приросты к предыдущему году. Я говорю столь подробно об этих технических моментах, потому что ныне объём российской экономики, как мне представляется, недооценивается, и этим как бы подчёркиваются разрушительные последствия трансформационного кризиса. Между тем эти последствия к 2004 году были в основном преодолены.

Если довериться этим данным, то с годовым ВВП на душу населения в 9,5 тыс. долл. (27 % уровня США, 38 % уровня Великобритании), Россия относится к I эшелону стран среднего уровня развития (Польша, Турция) и это, по крайней мере, не меньше того, что было в СССР. Ситуация несомненно резко улучшилась в последние годы и продолжает улучшаться.

В таблице 2 содержатся показатели, позволяющие судить о масштабах трансформационного кризиса и восстановлении экономики после него.

Таблица 2. Динамика потребления и инвестиций в основной капитал в 1998-2004 гг.

	1998 к 1991 %**	% к предыдущему году						2004 к 1998 %
		1999	2000	2001	2002	2003	2004	
Оценки МЭРТ*								
Реальные располагаемые среднедушевые денежные доходы	52,5	87,6	112	108,7	109,2	108,0	107,8	144,7
Реальная начисленная среднемесячная зараб. плата		78,0	120,9	119,9	116,2	110,4	110,8	160,7
Оборот розничной торговли	97,5	94,1	109,0	110,9	109,2	108,0	112,1	150,4
Инвестиции в основной капитал	24,8	105,3	117,4	110,0	102,6	112,5	110,9	174,1

*Источник: МЭРТ. Экономика России, М., 2004, с. 214.

**Согласно с тем же источником объём ВВП в 1998 г. составил 60,5 % уровня 1991 года. Реальные располагаемые доходы и инвестиции показывают более глубокое падение. Разницу, видимо, образуют

потери и вывоз капитала (10 – 12 % ВВП за все эти годы). Но динамика розничного товарооборота наводит на мысль, что снижение располагаемых доходов (до 52,5%) нуждается в уточнении.

По оценкам МЭРТ реальная начисленная заработная плата и розничный товарооборот в 2003 г. уже превосходили уровень 1991 года на 25,6 % и на 30,8 %, хотя ВВП составлял 83,6 %, располагаемые душевые денежные доходы – 70,5 %, пенсии – 59,4 % докризисного уровня.

Благоприятной была и динамика финансовых показателей (см. таблицу 3).

Таблица 3. Динамика финансовых показателей РФ в 1997 – 2004 гг.

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Экспорт, \$ млрд.	86,9	74,4	75,6	105,0	101,9	107,3	135,9	182,0
Импорт, \$ млрд.	72,0	58,0	39,5	44,9	53,8	61,0	75,4	94,8
Торговый баланс, \$ млрд.	14,9	16,4	16,0	60,2	48,1	46,3	60,5	87,2
Счет текущих операций, \$ млрд.	-0,1	0,2	24,6	46,8	33,9	29,5	35,9	58,2
Прямые иностранные инвестиции, \$ млрд.	4,9	2,8	3,3	2,7	2,7	3,5	7,5	6,6
Валютные резервы, \$ млрд.	12,9	7,8	8,5	24,2	30,4	44,1	73,2	120,8
Внешний долг на конец года, \$ млрд.								
- Государственный	147,0	157,8	148,5	129,2	113,9	105,2	105,7	99,8
- Частный	32,9	30,0	29,3	31,3	35,1	48,0	80,0	104,0
Внешний долг в % к ВВП	44,4	67,8	93,3	65,1	50,5	43,8	39,4	33,5

Источник: Troika Dialog, Economic Monthly, april 2005, p.2.

Как мы видим, финансовое положение России полностью изменилось в сравнении с периодом трансформационного кризиса 1991–1998 гг. Экспорт вырос в 2,1 раза, главным образом за счет нефти и роста цен на неё. Импорт, резко сократившийся в 1998–2001 гг. вследствие девальвации рубля, позволил отечественным производителям укрепить позиции на внутреннем рынке, но затем превзошел докризисные объемы. При этом торговый баланс и баланс текущих операций имеют значительное положительное сальдо. Валютные резервы к середине 2005 года достигли \$150 млрд. Внешний долг, дамокловым мечом висевший в 1998–2001 гг., превышая 50% ВВП, ныне понизился до трети ВВП, а государственный долг – до менее 20%. Прямые иностранные инвестиции в 2003 году выросли в 2,7 раза против 1998 г., а на душу населения их приходилось в этом году на 30–35% больше чем в Китае. За пять месяцев 2005 года приток ПИИ составил \$9,3 млрд.

Итоги более чем убедительные. Поэтому не нужно удивляться, что все авторитетные рейтинговые агентства присудили России кредитные рейтинги на уровне инвестиционных.

Смена тенденции

Есть, однако, и неприятные явления, особенно в последнее время. Несмотря на высокие цены на нефть и другие товары российского экспорта, со второй половины 2004 года темпы роста экономики стали падать. В таблице 4 приведены данные, показывающие смену тенденции.

Таблица 4. Среднемесячный прирост объемов производства (% к предыдущему периоду, сезонность устранена).

Отрасль/ период	2003				2004				2005				
	1 кв	2 кв	3 кв	4 кв	1 кв	2 кв	3 кв	4 кв	1 кв	янв	февр	март	апр
Промышленность													
МЭРТ	3,0	-0,3	0,6	0,9	0,5	0,6	0,2	0,7	0,1	0,1	0,0	0,1	0,5
ВШЭ(730 видов продукции)	н\д	0,5	0,5	0,8	0,5	0,7	0,5	0,2	0,0	0,0	-0,1	0,0	-0,2
ВШЭ-ЦЭК (272 вида продукции)	0,9	0,3	0,5	0,5	0,4	0,8	0,0	0,2	0,5	0,7	0,5	0,3	-0,1
ВШЭ-ЦЭК по ОКОНХ (272 вида продукции)	1,2	0,4	0,5	0,6	0,2	0,7	0,1	0,2	0,2	0,5	0,2	-0,2	-0,2
Отрасли по данным МЭРТ													
Добывающая промышленность	0,8	0,6	0,9	0,5	0,5	0,5	0,1	0,2	0,0	0,1	0,0	-0,1	0,0
Обрабатывающая промышленность	5,3	-0,7	1,0	1,2	0,5	0,4	0,9	0,8	0,0	0,1	-0,2	-0,1	0,7
Электроэнергия, газ, вода	-2,2	-0,9	1,0	-0,2	-0,4	0,3	0,2	0,4	0,7	0,9	0,8	0,5	0,3

Источник. Центр развития. Обзорение российской экономики (за период 17-30 мая 2005г., с.5).

Я прибег к этому источнику потому, что в данных Росстата появились расхождения по цифрам II полугодия 2004 г.¹, видимо в связи со сменой методологии. Здесь же есть оценки ВШЭ и ЦЭК, построенные по натуральным показателям.

Мы видим, что по оценкам МЭРТ, основанным на данных Росстата, в III и IV кварталах 2004 года, а также в апреле 2005 г. имели место высокие темпы в обрабатывающей промышленности, повлиявшие на итоги по промышленности в целом. Но оценки в натуре этих всплесков не подтверждают. В добывающей же промышленности с III квартала 2004 г. темпы упали значительно и с тех пор не поднялись. В то же время

¹ В январском и апрельском выпусках Росстата «Социально-экономическое положение России» приводятся следующие данные о темпах роста промышленного производства в III и IV кварталах 2004 года:

	07	08	09	III кв	10	11	12	IV кв	Год
январский выпуск	104,4	106,8	103,5	104,8	103,5	106,0	104,8	104,8	106,1
апрельский выпуск	106,9	109,7	106,1	107,5	104,6	112,5	104,6	107,1	107,3

Ничего необычного, подобные корректировки бывают, тем более при смене методологии. Но всплеск ноября уж очень велик, он и вывел квартальный и годовой итоги по промышленности на ранее опубликованный показатель прироста ВВП – 7,1%.

инфляция, которая, оставаясь довольно высокой после кризиса 1998 года, неуклонно снижалась до 2003 года, теперь стабилизировалась на уровне около 12% в год.

Таблица 5. Динамика основных индексов цен (к предыдущему году, %)

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
ИПЦ декабрь к декабрю	111,0	184,4	136,5	120,0	118,6	115,1	112,0	111,7
ИПЦ пром. декабрь к декабрю	107,5	123,2	167,3	131,6	110,7	117,1	113,1	128,8

Росстат-2004, с.34; Росстат. «Социально-экономическое положение России», 2005г., январь-апрель, с.178.

В январе-июне 2005 года потребительские цены выросли на 8,0%, а в бюджет на весь год был заложен их рост на 8,5%. Сейчас уже ставится задача удержаться в пределах 10%, но большинство экспертов предлагает оценки от 11% до 11,5 или 12%, а это значит, что в 2005 году инфляция не снизится, а может быть и возрастет. Июньская инфляция в годовом исчислении составила 13,3% (Тройка Диалог, Экономика России, июль 2005, с.20)

Что же произошло, как объяснить смену тенденции? Обычно предлагаемые трактовки происходящего, связывающие новые явления с высокими ценами на нефть, с «голландской болезнью», укреплением рубля и, как следствие, падением конкурентоспособности российских товаров, равно как и с монополизмом в Газпроме, электроэнергетике и ЖКХ, вызывающем быстрый рост цен на продукцию этих секторов, не убеждают, хотя, несомненно, всё это имеет место. Просто важность этих факторов переоценивается. Достаточно заметить, что курс рубля к доллару сейчас около 28,6 как и в 2000 году, а тарифы на газ, электроэнергию и услуги ЖКХ контролируются государством и занижены относительно уровня большинства других стран. Объяснения надо искать, думается, в механизме послекризисного роста и причинах, которые привели к его аварии.

Логика развития в переходный период

Отступим немного назад. История не знает сослагательного наклонения и из неё нельзя извлечь никаких уроков. Так, по крайней мере уверяют историки. Смысл их утверждений прост: в истории нет никаких закономерностей. Возможно, они правы. Но определённую логику в развитии событий на определённом отрезке времени, пожалуй, иногда можно обнаружить.

Так, при переходе от плановой к рыночной экономике как следствие неизбежной либерализации цен с большой вероятностью следует ожидать высокого уровня инфляции. Чтобы снизить её, приходится ограничивать расходы государства и денежное предложение, вследствие чего объёмы производства падают, может снизиться занятость. Стало быть, неизбежным станет и известное снижение уровня жизни, а за ним – недовольство населения и социальное напряжение.

Открытие экономики, желательное для устранения дефицита на товарных рынках и создания конкурентной среды в монополизированной экономике, неизбежно нанесёт удар по предприятиям, вчера ещё ограждённым от конкуренции, усилив эффект от ужесточения их бюджетных ограничений. Предприятия вынуждены будут либо адаптироваться, меняя продукцию, основной капитал, профессии и квалификацию персонала, либо закрываться. Инвестиции резко сократятся, и поэтому первое время структурная перестройка будет носить разрушительный, пассивный характер. Её цель – выживание.

В этом и заключается содержание т.н. трансформационного кризиса. Факты с некоторыми вариациями подтвердили такой ход развития событий в большинстве переходных стран.

Следом за этим, как только инфляция и инфляционные ожидания понизятся до приемлемого уровня (3–5, не более 10%), начнётся **восстановительный рост**, основанный на использовании незагруженных в период кризиса мощностей; вовлечение незанятых или недогруженных работников; минимальных инвестициях в основной капитал с целью приспособить мощности к выпуску конкурентоспособной продукции. В этот период и даже раньше, с начала трансформации, складываются институты, необходимые для функционирования рыночной экономики. Но кроме самых главных из них – свободных цен и частной собственности, они на первых порах ещё не оказывают должного влияния на поведение экономических субъектов. Формальные правила игры (законы) появляются раньше, чем соответствующие неформальные нормы, реально регулирующие их исполнение. Поэтому восстановительный рост может быстро исчерпать свои силы, а необходимой зрелой институциональной структуры ещё не будет. Темпы могут снизиться, ослабляя веру в успех реформ. Но если при этом сохранится общий позитивный тренд роста доверия, прежде всего бизнеса к публичным институтам, населения – к бизнесу и правящей элите, то рост возобновится, обретя высокую устойчивость.

Это следующий, III этап развития после трансформационного кризиса. Основной фактор роста экономики и повышения благосостояния на данном этапе – формирование

новой институциональной структуры, благоприятной для устойчивого развития. Реформы, меняющие её, влияют на поведение экономических субъектов в пользу повышения эффективности и производительности. Это длительный период, который может продолжаться до тех пор, пока новые институты по уровню эффективности не достигнут уровня наиболее развитых стран. Разумеется, можно и не догнать. Но возможность такая есть.

Таким образом, логика перехода от плановой экономики к рыночной предполагает следующие этапы:

I этап – трансформационный кризис. У нас он охватил 1990–1998 годы

II этап – восстановительный рост. У нас он начался ещё в 1997 году, но был прерван, преимущественно падением цен на нефть и азиатским кризисом на мировых рынках капитала, а затем возобновился в 1999 году и продолжался в 2000–2001 гг.

III этап – модернизация, прежде всего институтов, но также и материальных активов.

На эту последовательность могут накладываться специфические факторы, так или иначе меняющие эту этапность.

Монетизация

Своеобразие нашему развитию придало одно важное обстоятельство – наличие в России богатых природных ресурсов, особенно нефти и газа, и огромное повышение мировых цен на нефть после 1998 года. Если в 1998 году средняя экспортная цена российской нефти снизилась до 8–12 долларов за баррель, то к 2005 г. она поднялась до 34–40 долл., т.е в 5–6 раз.

Таблица 6. Цена на нефть (Urals), \$/bbl

1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
18,5	12,0	17,3	26,9	23,1	23,5	27,3	34,1

Таблица 7. Экспорт нефти и газа из РФ

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Нефть сырая млн. т. *	114	118	116	145 (128)	162 (138)	188 (156)	223	257,4
млрд. долл	13,4	8,77	12,9	25,3	24,6	28,95	38,82	87,8
Нефтепродукты млн. т	60,2	57,5	53,9	62,7	63,5	75,4	77,7	81,0
млрд. долл.	7,0	3,9	5,1	10,9	9,4	11,3	14,1	н.д
Газ природный млрд. м ³ *	121	125	131	194 (134)	181 (132)	186 (134)	189	200,3
млрд. долл	10,7	н/д	н/д	16,6	18,3	15,9	20,0	н.д
Всего млрд. долл.	31,1	н/д	н/д	52,8	52,3	56,2	72,9	

*В статистическом сборнике есть расхождения в данных об экспорте нефти и газа за 2000–2002 гг., в скобках показаны данные сборников за 2001–2003 гг. Данные об экспортной выручке приведены только более поздние.

Как видно из таблицы 7, выручка от экспорта сырой нефти за 1998-2004 гг. выросла почти в 10 раза, а экспорт в натуре – в 2,2 раза. Доля углеводородов в экспорте за эти годы поднялась с 40 до почти 60%. Усиление сырьевой направленности российской экономики обусловлено ростом цен на нефть и газ, а не реальными структурными изменениями. Доля промышленности в общей численности занятых сократилось с 30,3% в 1990 г. до 22,2% в 1998 г. и 21,9% в 2003 г., а доля занятых в ТЭКе к занятости в промышленности составляла 3,8%, 6% и 6% соответственно (Росстат, 2004, сс.141, 164).

Речь скорее о позитивных в целом структурных сдвигах, произошедших в основном в период трансформационного кризиса, которые после 1998 года были незначительны.

Поток нефтедолларов сыграл огромную роль в преодолении кризисных явлений. В короткие сроки был преодолен кризис неплатежей, казавшийся вечным в 90-е годы. Сократился до нормальных размеров бартер, экономика менее чем за два года из натуральной стала денежной. Был преодолен жесточайший бюджетный кризис; страна, в течение 12 лет (1987–1999) имевшая дефицитный бюджет, в 1997 г. дефицит достиг 7,8% ВВП, с 2000 года сводит бюджет с профицитом, в 2004 году он составил 4,2% ВВП. С 2003 года формируется стабилизационный фонд, в середине 2005 года в нём было уже около \$30 млрд. Серьёзно улучшился сбор налогов, просто потому, что у предприятий появились деньги и с них уже можно было потребовать.

В период трансформационного кризиса борьба с инфляцией велась преимущественно методами ограничительной денежной политики (злосчастный монетаризм), в результате чего уровень монетизации экономики (денежный агрегат М2 в

% к годовому ВВП) сократился до 11% в 1995 г. (основной год финансовой стабилизации) и 12% в 1999 году против 22,3% в 1992 году, когда ограничительную денежную политику начали проводить в условиях преобладания свободных цен. (Ясин Е.Г. Российская экономика, ГУ-ВШЭ, 2003, с.292). Нормальный же уровень монетизации в рыночных экономиках 60-100% и более.

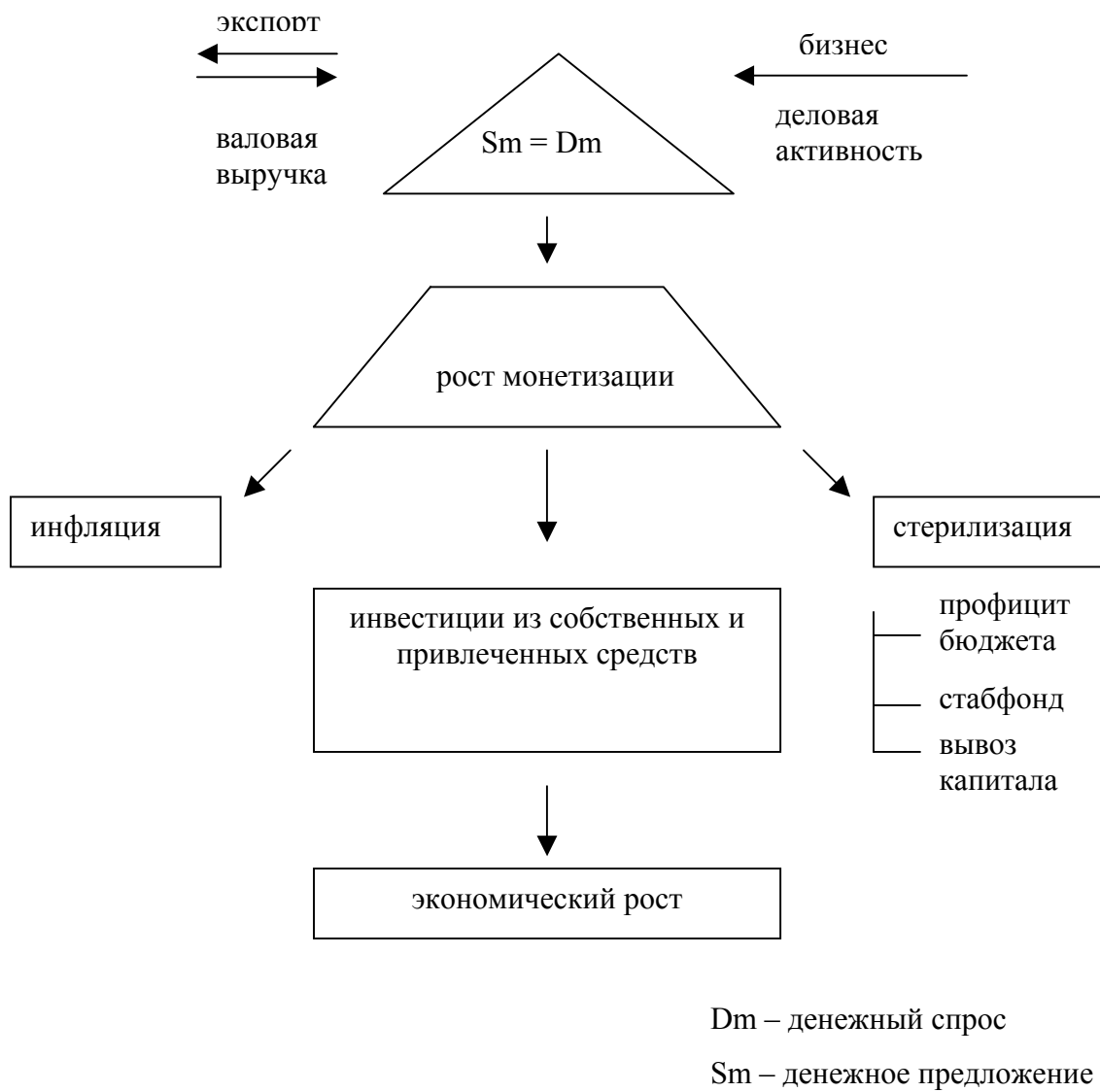
В 1997 г. по моим оценкам широкая денежная база с учётом долларизации, денежных суррогатов и бартера достигала 38-41% ВВП (там же, с.288–289). Этот уровень позволял экономике поддерживать жизнь, оставаясь на голодном денежном пайке, но развиваться она не могла.

После кризиса 1998 года уровень монетизации стал восстанавливаться и в 2004 году достиг 22%, $M2X/ВВП^2$ – 27% (Troika Dialog, april 2005, p.24). Но, как видим, он ещё далёк от нормы. Впрочем, примерно такая же картина наблюдается практически во всех переходных экономиках. Какое это имеет отношение к обсуждаемому вопросу? Самое прямое, ибо Россия, в отличие от других переходных экономик (кроме Казахстана и Азербайджана), имеет большой приток валютной выручки от экспорта углеводородов, который в принципе позволяет в ускоренном порядке повышать монетизацию и, при условии высокой деловой активности, обеспечивающей усвоение растущего денежного предложения, поддерживать высокие темпы экономического роста в течение определённого периода, пока не произойдёт насыщение спроса на деньги, а уровень монетизации не достигнет нормальных значений. Этот период можно назвать этапом монетизации по важнейшему явлению, которое его определяет.

Здесь я по сути очертил особенности той модели экономического роста, которая успешно работала в России после завершения восстановительного роста в 2001 году, да и до этого, начиная с конца 1999 года, наряду с восстановительным ростом, основанном на загрузке и адаптации наличных мощностей. Более конкретно его можно описать так (см. рис.1):

---

² МГХ – денежный агрегат, включающий М2 в рублях и банковские реквизиты в твёрдых валютах.

Рис.1. Модель роста российской экономики: этап монетизации

Этап монетизации становится возможен, если есть большой приток доходов от экспорта (в нашем случае нефти и газа), который встречается с высокой деловой активностью частного сектора, появившегося вследствие рыночных реформ. Тогда приток валюты покупается Центральным банком, растут валютные резервы и одновременно эмитируется национальная валюта, наполняя экономику ликвидностью. Экономика, иссушенная годами ограничительной денежной политики, жадно впитывает ликвидность, в том числе и в виде долларов, преобразуя её в рост уровня монетизации, который сопровождает инвестиции в основной и оборотный капитал. Инвестиции идут как из собственных накоплений, быстро набирающих силу, скупающих активы в других отраслях, так и через банковскую систему и другие финансовые институты, которые также начинают трансформировать сбережения в капитал. Через кредиты и ссуды, слияния и поглощения, производимые экспортными компаниями, а также через их заказы другим отечественным предприятиям, покупки их рабочих и служащих внутри страны деньги расходятся по всей экономике, которая получает возможность быстрого роста.

Особенность этапа монетизации в том, что на нём могут быть достигнуты высокие темпы роста без серьёзных институциональных изменений и производящих их реформ или до того, как они начнут приносить плоды. Заминка, которая весьма вероятна после исчерпания возможностей восстановительного роста и складывания благоприятного делового климата в результате институциональных реформ, в случае реализации этапа монетизации не наступает. Монетизация наоборот, создаёт исключительно удачные условия для сочетания роста и реформ в случае, если есть воля к их осуществлению.

Есть у этого этапа и опасности. Главная из них инфляция. В той мере, в какой приток внешних ресурсов не поглощается деловой активностью, не преобразуется в экономический рост, остаётся избыток ликвидности, который либо подталкивает рост цен, либо должен быть стерилизован. Формы стерилизации – профицит бюджета, стабилизационный фонд, вывоз капитала. Кроме того, большое положительное сальдо платёжного баланса вызывает укрепление национальной валюты и снижение конкурентоспособности отраслей, работающих в основном на внутренний рынок. Всякий шаг, направленный на борьбу с инфляцией, дополнительно укрепляет рубль. Действия по сдерживанию укрепления рубля усиливают инфляцию и, стало быть, обесценивают финансовые доходы, усиливают бедность и социальное неравенство.

Политика государства в этот период должна решать трудные задачи балансировки этих противоречивых тенденций – всемерно стимулировать деловую активность,

проводить институциональные реформы, не вызывая чрезмерного противодействия со стороны общества, поддерживать баланс между инфляцией и конкурентоспособностью.

Что же происходило у нас? Так всё и было. В моём докладе «Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста», подготовленном к IV Международной научной конференции ГУ-ВШЭ в 2002 году я обращал внимание на то, что нефтяные доходы позволили быстро разрешить проблемы «виртуальной» экономики 90-х, но далее связанные с этим эффекты, подобные преодолению неплатежей и бартера, уже будут невозможны и что межотраслевой перелив капитала в то время практически отсутствовал: инвестиции делались в тех отраслях, где были доходы от экспорта и в отрасли, ориентированные на внутренний рынок, не перетекали (Е.Ясин, Новая эпоха – старые тревоги: экономическая политика. Фонд «Либеральная миссия», 2004, с.101). Там же содержались предупреждения о неэффективности инвестирования через бюджет или крупные финансово-промышленные группы на манер корейских «чеболей» и отмечалась необходимость развития финансовых рынков, включая банки. Там я писал: »Вернёмся к особо удачному 2000 году. Откуда тот успех? Непредвзятый анализ показывает, что ключевым фактором роста стало тогда повышенное питание экономики ликвидностью. (Сейчас добавлю: в 1999 г. рост M2 на 57,2% и в 2000 г. – ещё на 62,4%.(Troika Dialog, april 2005, p.2). Высокие цены на нефть дали приток валютной выручки, которая обращалась в рост валютных резервов и рублёвого денежного предложения по схеме currency board. Инфляция выросла на 20%, но большая часть денег пошла на сокращение неплатежей, бартера, взаимозачётов, на улучшение сбора налогов. Экономический рост поглотил дополнительное денежное предложение.

Возможно ли повторение подобного маневра? В той же форме – нет, ибо нет уже такого притока валютной выручки (в 2002 году цены на нефть упали), бартер и взаимозачёты в основном ликвидированы.

...А если изменить сферу? Низкие кредитные вложения, низкий уровень монетизации остаются фактом. Банковский кредит по-прежнему недоступен для значительной части предприятий... Возможности роста экономики хотя бы за счёт увеличения оборотных средств не используются, не говоря уже об инвестициях. Нарращивание кредитования при неснижении эффективности и возвратности кредитов могло бы разогреть спрос и дать толчок росту производства, повышению производительности» (там же, сс.107-108). Напомню, речь идёт о ситуации 2002 года.

Я не настолько самонадеян, чтобы считать, что российская экономика и правительство последовали моим советам. Тем не менее развитие пошло именно таким путём и оказалось весьма успешным.

В таблице 8 приведены данные, показывающие быстрый рост объемов банковского кредитования после 1998 года. По номиналу предоставление кредитов выросло в 10,5 раза, а в реальном выражении примерно в 3 раза с корректировкой по индексу инфляции, тогда как ВВП за тот же период вырос на 48%. При этом кредиты юридическим лицам (нефинансовым организациям и банкам), выросли в 1,9 раза, а потребительские кредиты – в 4,1 раза.

Таблица 8. Кредитование экономики и населения в 1998-2004 гг.

Годы	Предоставленные кредиты					
	По номиналу		В реальном выражении			
	Сумма всего (млрд. руб.)	% к предыдущему году	Юридическим лицам		Физическим лицам	
			% к предыдущему году	% к 1998 г.	% к предыдущему году	% к 1998 г.
1998	276,08	—	—	—	—	—
1999	421,57	152,4	95,2	95,2	59,5	59,5
2000	529,81	125,7	103,5	95,5	103,4	61,6
2001	956,29	180,5	133,9	128,2	177,3	109,0
2002	1467,49	153,5	159,2	204,1	127,7	139,2
2003	2028, 91	138,3	115,9	236,5	156,1	217,3
2004	2910,21	143,4	114,4	270,5	109,9	412,7

Примечание: PCE, 2004, с. 571, Troika Dialog. Monthly, april 2005, расчеты автора. Кредиты в реальном выражении вычислены с корректировкой по среднегодовому индексу промышленных цен для юридических лиц, и по среднегодовому индексу потребительских цен – для физических лиц.

А вот еще данные о динамике среднегодовой процентной ставки:

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Ставка по кредитам (%)	32,0	41,8	39,7	24,4	17,9	15,6	13,0	10,0
Ставка по депозитам (%)	16,8	17,1	13,7	6,5	4,9	5,0	4,5	4,5

Источник: Troika Dialog, там же.

Опережающий рост кредитования, повышение его доступности можно констатировать в любом случае, хотя темпы могли быть и выше. Заметим только, что темпы роста кредитов юридическим лицам упали в 2003-2004 годах, тогда как потребительские кредиты особенно выросли в 2004 году, когда спрос на кредиты со стороны предприятий под оборотные средства и инвестиции повышался намного медленнее и банки стали активней кредитовать население, чтобы разместить имеющиеся кредитные ресурсы.

К началу 2003 года на корреспондентских счетах российских счетов российских банков в Банке России было 169,7 млрд.руб., в 7,9 раза больше чем к началу 1998 г. Напомним, рост кредитов по номиналу за тот же период – 10,9 раз. Но уже к началу 2004

года остатки составили 304,8 млрд.руб., т.е. за год выросли в 1,8 раза и были всего в 3,4 раза меньше остатков на счетах банков средств предприятий и организаций – главного источника кредитных ресурсов. Рост остатков на корсчетах – сигнал избытка кредитных ресурсов и, стало быть, насыщения денежного спроса.

В таблице 9 приведены данные, позволяющие сделать некие выводы относительно этапа монетизации.

Таблица 9. Рост денежного предложения (M2) в сопоставлении с динамикой ВВП и инфляцией 1997 – 2004 гг.

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005-е
M2 % прироста, декабрь к декабрю	29,8	19,8	57,2	62,4	40,1	32,3	52	35,8	24,0
Прирост ВВП, %	1,4	-5,3	6,4	10,0	5,1	4,7	7,3	7,1	5,8
Темп инфляции, индекс потребительских цен	11	84,4	36,5	20,2	18,6	15,1	12,0	11,7	12,0

Источник: Troika Dialog, april 2005, p.2.
е-оценка

Как видно из таблицы 9, низкий рост M2 наблюдался в 1998 г., отражая антикризисную ограничительную политику на фоне падения производства и высокого скачка инфляции после дефолта и девальвации рубля. Далее инфляция, оставаясь высокой по общепринятым меркам, неуклонно падает до 2003 года на 2-3 процентных пункта в год, а с 2003 года замирает на уровне 12%. До 2004 года – обратная зависимость между инфляцией и ростом M2. Но зато пиковым значениям роста M2 соответствуют самые высокие показатели роста ВВП, кроме 2004 года. Экономика усваивает прирост денежного предложения, а относительно высокая инфляция – это плата за экономический рост на этапе монетизации, когда нет ещё эффекта от институциональных реформ. Напомним, что с 2000 года бюджет сводится с профицитом, который в 2004 году достиг максимума – 4,2% ВВП, а с 2003 года формируется стабилизационный фонд, который к середине 2005 года уже достиг 1 трлн. руб. или более 35 млрд. долл. Государство с опережением расплачивается по внешнему долгу и вывоз капитала, достигший минимума в 2003 году (\$2,3 млрд), в 2004 г. снова подскочил примерно до \$10 млрд. Иначе говоря, все стерилизационные механизмы были включены на полную мощность, что и позволяло до недавнего времени держать инфляцию под контролем.

Канонический пример эффекта монетизации – 2003 год. При росте M2 на 52 % инфляция –12%, а 40% роста впитывается экономикой, давая прирост ВВП 7,3%. На 1%

прироста ВВП требуется 7,1% роста М2. 1% прироста М2 вызывает увеличение инфляции на 0,23%.

Предположим, такой рост денежного предложения сохраняется – при необходимых условиях в отношении делового климата и международной экономической конъюнктуры до достижения уровня монетизации в 60% ВВП от нынешних 25%, а с учётом долларов – 33%; на это при всех предосторожностях потребовалось бы примерно 6-8 лет. В течение всего этого периода темпы роста поддерживаются на уровне 7-8% в год, а возможно и больше – до 10-12%, причём без серьёзных реформ, в основном за счёт либерализации экономики и улучшения условий для активизации бизнеса. Мои оценки показывают, что этап монетизации мог бы продолжаться с угасанием минимум до 2010-2011 гг. За это время при ежегодном росте М2 на 50 % и среднегодовом повышении уровня монетизации на 2 процентных пункта, он бы достиг в 2011 году примерно 50%, а объём ВВП в реальном выражении по сравнению с 2000 годом вырос бы в 1,9-2,0 раза. В этом смысле идея удвоения ВВП за 10 лет, воспринятая В. Путиным с подачи его советника А. Илларионова, была вполне реализуемой.

В своё время, когда эта идея была выдвинута, а путем к её решению предлагалось прежде всего понижение курса рубля к доллару, я выступил против неё. Я считал, да и сейчас считаю более важным делом не гонку темпов роста, а структурные и институциональные реформы: пусть темпы поначалу ниже, но зато формируется институциональная система, благоприятная для устойчивого развития на длительную перспективу. При этом я полагал, что доходы от экспорта и возможности этапа монетизации будут использованы. Вышло по-другому.

Цена «наведения» порядка и преждевременный перелом

Возможности этапа монетизации оказались не использованы, т.к. с середины 2003 года стали происходить политические изменения, явным образом свидетельствовавшие о смене курса в экономике. Были осуществлены меры, направленные на повышение роли государства, а институциональные реформы, после определенных неудач с монетизацией и административной реформой практически остановились. Характер этих мер хорошо известен: разорение ЮКОСа, осуждение М.Ходорковского и П.Лебедева, последовавшие за этим дополнительные налоговые проверки и предъявленные многим компаниям претензии по неуплате налогов за прошлые периоды, стремление государства усилить контроль над нефтегазовым и другими секторами, также теперь признанными стратегически важными (телекоммуникации, энергетическое машиностроение). Здесь мы

не будем разбирать все подобные случаи и многообразные причины, вызвавшие изменения в политике. Не могу не вернуться, однако, к таблице 7, чтобы напомнить: доходы от экспорта нефти и нефтепродуктов, оказавшиеся преимущественно в руках частных компаний, в 2003 г. в 2,5 раза превышали доходы от экспорта газа, оставшегося под контролем государства. Такое положение, видимо, представлялось нетерпимым команде, пришедшей к власти вместе с Путиным. Так же их не устраивал и контроль частного сектора за некоторыми другими отраслями. Если не завладеть, то управлять финансовыми потоками, конвертация власти в деньги – такова, видимо, цель.

Но, предположим, подозрения в желании переделить собственность или банально обогатиться будут опровергнуты. Есть иные мотивы, которые власть может предъявить и которые будут казаться вполне основательными.

Ни для кого не секрет, что российская экономика и общество после трансформационного кризиса оказались весьма далеки от образцового состояния в том, что касается верховенства закона, методов конкурентной борьбы, в том числе с использованием правоохранительных органов, коррупции и распространения теневой экономики, уровня собираемости налогов. Устойчиво развиваться такая экономика не может в силу низкого радиуса доверия и высоких транзакционных издержек. И все эти явления не являются продуктом государственного вмешательства, скорей можно говорить о слабости государства. Причина последней в сложностях переходного периода в России, в особенностях её культуры, именно таким образом проявивших себя после предоставления экономической свободы. Порядок наводить надо? Надо! Но как?

В начале 90-х годов среди сторонников рыночных реформ боролись два течения: градуалисты, считавшие, что реформы надо делать постепенно и требовавшие от народа терпения; и радикалы, предлагавшие методы «шоковой терапии». Тогда победили радикалы, за что их до сих пор проклинаят, хотя они задачу решили, рыночная экономика в России стала фактом.

На новом этапе дилемма между градуализмом и радикализмом в каком-то смысле возродилась: наводить порядок быстро, силовыми методами, порой нарушая закон, если не по форме, то по существу; или же делать это постепенно, дожидаясь пока появятся общественные силы, заинтересованные в законности и порядке, когда появится платежеспособный спрос на действенные государственные институты. Теперь роли как бы поменялись: вчерашние радикалы стали градуалистами и консерваторами, а их оппоненты из числа силовиков – радикалами. И мы снова выбрали радикальный вариант. Среди его сторонников были сильны позиции тех, кто считал необходимым усмирить бизнес, прежде всего крупный, и опереться в этом на недовольство масс новыми

богачами, подняв на щит идею заговора олигархов. Высшая бюрократия стремилась таким образом вернуть себе влияние, которым ранее ей пришлось поделиться с бизнесом. Усиление государства виделось прежде всего в этом. Собственно, предпринятые ими меры говорят сами за себя.

Я здесь не намерен вдаваться в мотивы и факторы выбора подобной политики. Наша задача оценить, как повлияла смена политики на развитие экономики, какие последствия она вызвала и еще будет вызывать в перспективе ряда лет.

Прямой результат давления на бизнес, который был предпринят по меньшей мере с середины 2003 года – падение деловой активности. Именно об этом говорит снижение спроса на деньги, падение темпов роста производства, усиление инфляции и возобновление вывоза капитала отечественными предпринимателями. Рост инвестиций в основной капитал также сбавил темпы: 12,5% в 2003 г., 10,9% в 2004 г., 8,5% в 2005 г. по прогнозу «Тройки Диалог» (Экономика России, июль 2005, с.18). Снижение деловой активности и доверия бизнеса к власти объясняет все эти результаты и позволяет предположить дальнейшие последствия.

Даются и иные объяснения. Например, инфляция берется отдельно и объясняется ростом тарифов на энергию, коммунальные услуги и перевозки. Отсюда следует предложение о более жестком регулировании тарифов. Однако эта мера ничего не дает кроме роста цен в других секторах и новых аварий в электроэнергетике, ЖКХ и на транспорте. Другое предложение – ужесточить монетарную политику, ограничить денежное предложение. Но оно и так упало следом за денежным спросом, а еще большее ужесточение будет вести к еще большему угнетению деловой активности. Выбор между снижением инфляции или укреплением рубля, вредным для конкурентоспособности российских готовых изделий, в нынешней ситуации оказался второстепенным. В том то и дело, что привычные приемы монетарного и немонетарного регулирования не работают сейчас, когда поток нефтедолларов продолжает изливаться на страну. При высокой деловой активности это удача, средство быстро поднять экономику после тяжелого кризиса; при низкой активности бизнеса это несчастье, способное подорвать экономику кроме нефти и газа, усилить неравенство и нищету.

После кризиса 1998 года и прихода Путина к власти в России сложились уникально благоприятные условия для роста и модернизации экономики. Сейчас они оказались упущены. И не надо глядеть по сторонам и искать виноватых – Греф, Кудрин, Зурабов, украинцы или чеченцы; это следствие некомпетентного вмешательства в экономику кремлевской команды силовиков – такой вывод, заявленный А.Н.Илларионовым, абсолютно правилен. Это очевидно для всех мало-мальски сведущих и непредвзятых

специалистов, только одни имеют смелость более или менее определенно говорить об этом вслух, а другие боятся или стараются заслужить благоволение начальства за более приемлемую для него позицию.

Можно ли поправить как-то ситуацию? Доверие теряется легко, а завоевывается трудно. Вернуть доверие бизнеса, подчеркиваю – не олигархов, а всего бизнеса, даже если некоторые предприниматели радуются потерям своих конкурентов, – вернуть его доверие к власти, к публичным институтам, настолько чтобы бизнес согласился идти на риск и вкладывать свои деньги и энергию в развитие страны, в прежнем масштабе при любом раскладе удастся не скоро. Те шаги навстречу, которые сейчас делает власть, совершенно недостаточны и неубедительны.

Впрочем, в середине 2005 года стали появляться признаки оживления, позволяющие ряду наблюдателей делать выводы о том, что фаза падения деловой активности, ставшая реакцией бизнеса на давление властей, подходит к концу. В июне промышленное производство выросло на 6,9%, инвестиции – на 11,1% против 9,4% за первое полугодие (Ведомости, 21.07.05). Приток прямых иностранных инвестиций и кредитов, охотно привлекаемых российскими компаниями (взамен вывозимых собственных капиталов) оказывает своё позитивное воздействие, разогревая экономику. Еще раньше отмечался рост кредитных ставок, свидетельствующий о повышении денежного спроса и продолжении процесса монетизации. В экономике лучше не делать однозначных прогнозов – никогда не говорите «никогда». Поэтому ситуацию, возможно, удастся несколько поправить. Бизнес всегда находится в состоянии выбора между искушениями выгодных вложений и рисками потерь, страхи сменяются надеждами. Но одно можно сказать с высокой уверенностью: шанс активного использования выгод монетизации в основном потерян.

А теперь попробуем оценить потери. Я сразу говорю, они грешат субъективизмом, от которого я полностью не могу отделаться.

Как показано в таблице 1, российский ВВП в долларах США по паритету покупательной способности в 2003 году составил \$1353,3 млрд. При росте уровня монетизации с учётом долларов в обороте за 2003–2011 гг. с 33 до 50% ВВП России, согласно моим оценкам, при уровне деловой активности 2003 года или выше должен был бы расти ежегодно в среднем на 7,3–7,4% по меньшей мере до 2010 года. В этот период возможны и более высокие темпы, но будем осторожны. После этого насыщение экономики деньгами привело бы к снижению темпов роста денежного спроса и увеличению вероятности инфляции выше приемлемого однозначного уровня. Соответственно, темпы роста тоже стали бы падать. На мой взгляд, такая картина имела

бы место практически независимо от уровня цен на нефть, поскольку в стране уже накоплены необходимые резервы ликвидности. Тем более, что вероятность резкого и длительного снижения цен на энергоносители в этот период весьма мала.

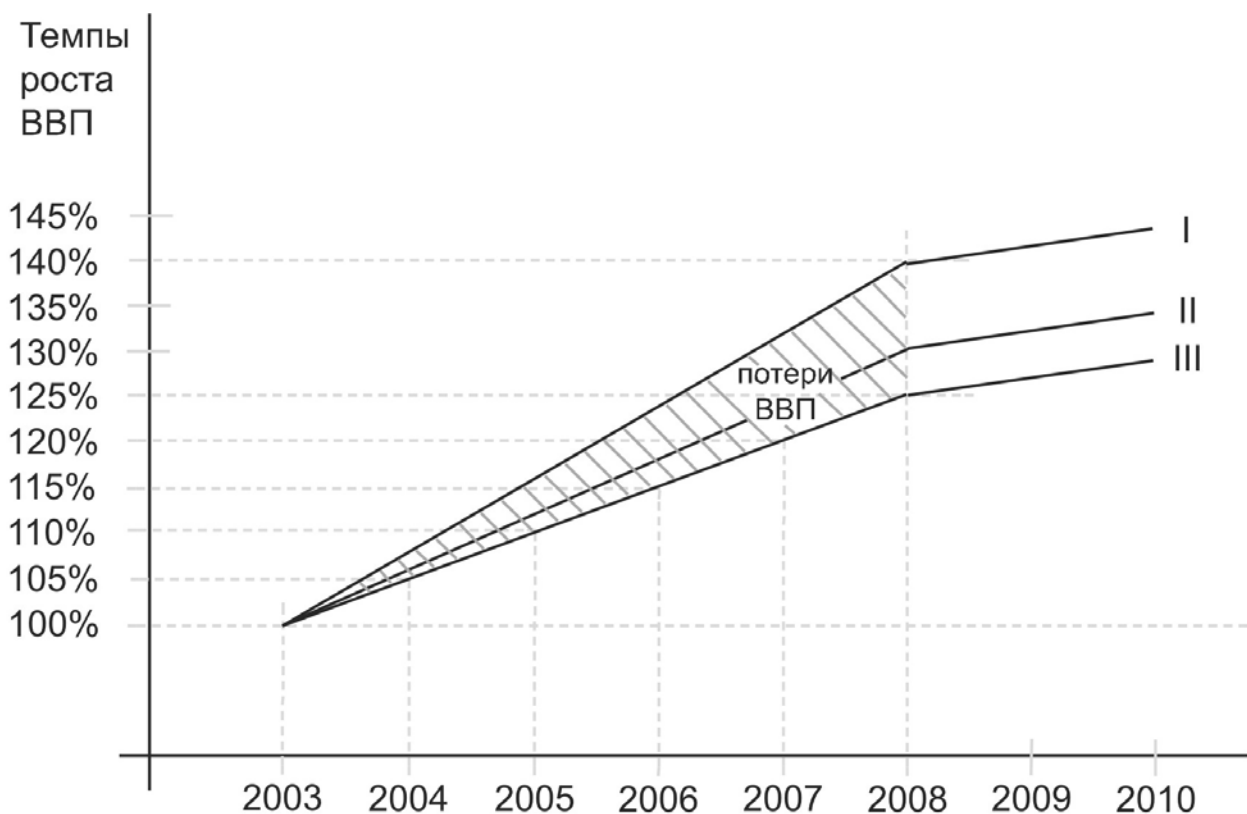
При таких темпах объем ВВП России за 2003-2008 годы вырос бы в 1,40–1,45 раза или до \$1,9–1,95 трлн., а в 2011 году – до \$2,3-2,4 трлн. по ППС.

В настоящее время с учётом сложившегося положения в экономике согласно наиболее профессиональным прогнозам темпы роста ВВП составят в ближайшей перспективе 4,5-5% в среднем за год и по объёмам он составит в 2008 году примерно \$1,72–1,75 трлн. В более благоприятном варианте (рост 5,5–6%) ВВП 2008 года будет близко к \$1,8–1,85 трлн. Потери от недоиспользования возможностей этапа монетизации, прерванного в 2003 году некомпетентным вмешательством, составят от \$100 до \$200 млрд.

Для сопоставления, указанные минимальные потери примерно на четверть больше всей суммы гранта, полученного Россией в 2000–2004 годах от экспорта нефти по сверхвысоким ценам (условно более 20 долл./бар). Он составил около \$75 млрд. Верхняя оценка примерно равна стоимости всего нефтяного экспорта России за эти годы (\$205,5 млрд.)

График на рис.2 показывает, что эти потери невосполнимы и будут нарастать во времени.

Вероятней всего, мои оценки сочтут слишком смелыми, но вряд ли они уж очень завышены. Кроме того, надо учесть, что, кроме снижения темпов роста ВВП, мы ещё будем иметь более высокую инфляцию и, по всей видимости, замораживание институциональных реформ.

Рис.2. Варианты динамики при полном использовании возможностей этапа монетизации (I) и при снижении деловой активности (II-III).

Замечу, что в моих выводах нет никакого катастрофизма, России не грозит пока сколько-нибудь серьёзный кризис. Есть замедление движения: этап монетизации прерван, этап институциональных преобразований едва начат и идёт в лучшем случае черепашьими темпами.

Наш спор с Илларионовым завершился своеобразно: ни темпов, ни реформ.